

П. МУРАТОВ

Письма художника Н. И. Чевалкова

Поиски сведений об искусстве Сибири 20-х годов привели меня однажды в Ташкент — к Ольге Дмитриевне Гуляевой, вдове художника Вадима Николаевича Гуляева.

Ольга Дмитриевна, высокая и крепкая еще по виду женщина, на мои вопросы прямолинейно ответила:

— Я была домашняя хозяйка и больше ничего. Что же я могу вам рассказать? Ничего не могу.

Но видно было, что ей не хотелось отпустить с пустыми руками меня и моих товарищей-искусствоведов. Разговаривая, она все время о чем-то думала и, наконец, сказала, что у нее есть письма сибирского журналиста 20-х годов Б. Мирковича, который много писал об искусстве. Не найдя этих писем, она стала вспоминать, где бы они могли быть, и вспомнила про ящик с письмами, стоявший в коридоре.

В ящике лежала грудa семейных, деловых, дружеских писем Гуляевым за период с 1915 до половины 30-х годов. Среди них были письма алтайского художника Николая Ивановича Чевалкова. Часть писем уже наполовину истлела, и читать их было очень трудно, часть сохранилась довольно хорошо. Разобрал и привел их в порядок я уже в Новосибирске.

Когда содержание писем Н. Чевалкова стало мне известным, я понял, что они имеют не только личное значение. Чевалков пишет о себе, о художниках, с которыми ему приходилось встречаться, о природе Алтая, пишет охотно, и временами кажется, что написать письмо ему так же необходимо, как написать картину, выразить свое отношение к искусству и художникам.

Ему совершенно необходим был собеседник, перед кем бы он изливал свою душу. Когда собеседника не было, Чевалков испускал страницу за страницей, но, отправив письмо, опять тяготился невысказанным.

Современники Чевалкова называли его «сибирским Рерихом», «сибирским Гогеном», «сибирским Пиромани». Все эти имена по-

чти не касаются стиливых признаков сравнимаемого искусства: Чевалкова и Рериха, Чевалкова и Пиромани — в них отразилось уважительное отношение художников Сибири 20-х годов к поэтической силе алтайского собрата по искусству.

Авторы статей тех лет о Чевалкове считали его выразителем народного духа алтайцев. Так оно и было на самом деле. Но слишком часто своеобразие искусства Чевалкова объяснялось интуицией и близостью к незамутненной чистоте народного восприятия природы и искусства. Чевалков-де своеобразен, потому что не испытал на себе порабощающей силы профессионального искусства, он ярок, потому что его природы не коснулось уравнилельное влияние европейской цивилизации.

Письма Чевалкова показывают как раз обратное, а именно то, что их автор стремился овладеть всеми тайнами профессионального искусства. Ни о чем он не пишет с таким постоянством, как об искусстве. И так не день, не два, а годы. Отовсюду собирая сведения о живописи и живописцах, он воспитывал в себе профессионального художника не менее последовательно, чем те, кто учился в специальных школах.

Направление творческого развития Чевалкова совпадает с общим движением всего советского искусства 20-х годов. Он ищет опоры в стиле народного искусства, а в конце десятилетия — в темах жизни народа.

Иначе и быть не могло. Получая письма от друзей-художников, он находил в них отголоски постоянной работы в художественной жизни страны. Несравненно более скромные события в искусстве его родной Улалы (теперь Горно-Алтайск) он произвольно соотносил с тем широким движением художественного творчества, которое чувствовал по письмам, книгам и журналам, доходившим до него.

Чевалков, по преимуществу, живописец, таким он и предстает в письмах перед читателем. Но с годами художника все более

притягивали и другие формы общественной работы. Он становится автором проекта Дома Ленина, делает эскиз Дома Советов. На рубеже двадцатых-тридцатых годов Чевалкова избирают в члены горсовета.

При всем том, Чевалков удивительно нежный, податливый, переменчивый в настроениях человек. Его психика будто специально создана, чтобы поэтическими картинами откликаться на все малое и большое в жизни. В этом его сила и постоянство, не уступающее по прочности самому твердому характеру.

Чевалков и Г. И. Гуркин — равноценные величины в искусстве Сибири, хотя у каждого свой диапазон творчества. Но для Гуркина весь земной шар был всего лишь окрестностью Алтая. Рисунок на шаманском бубне, народные предания, виды гор и собственные гуркинские картины становятся бесценными, потому что они принадлежат Алтаю. Национальное своеобразие для Чевалкова в гораздо большей степени было местным выражением общечеловеческого поэтического чувства.

Гуркин старше Чевалкова на двадцать лет, и под впечатлением живописи Гуркина Чевалков загорелся страстью живописца, однако они настолько самостоятельны, что никак не попадают в зависимость друг от друга по формуле «учитель — ученик». Оба художника хорошо сознавали это и относились друг к другу с уважением, несмотря на то, что Гуркин не мог и не хотел писать картины, в которых этнографический элемент отступал бы на второй план, равно как и Чевалков был не в состоянии поступиться теплом цветовых сочетаний в своих картинах ради этнографического элемента.

Переписка Чевалкова и Гуляева продолжалась около десяти лет и закончилась сама собой, погашенная долгими годами разлуки. Чевалков, не способный жить без близких друзей, с которыми он мог бы делиться переполнявшей его лирикой, откровенничать и ждать откровенности, к концу 20-х годов подружился с журналистом Борисом Мирковичем, и новый друг заменил ему старого. С того времени, как Гуляев из Новосибирска переехал в Ташкент, письма Чевалкова к нему становятся все реже и реже. Последнее датировано 25 февраля 1930 года.

Подготовка писем к публикации не потребовала большой работы. Чевалков писал по-русски довольно грамотно. Он окончил церковно-приходскую школу, один год проучился в Бийском катихизаторском училище, но, главное, всю жизнь много читал и писал. Впрочем, стиль Чевалкова сложен. Большинство слов он пишет по всем правилам грамматики, а некоторые — на слух, причем не делает различия даже по отношению к специальной художественной терминологии. Так он всегда пишет «линолимум» вместо «линолеум», «жилаю» вместо «желаю» и в то же время не делает ошибки в гораздо более сложных словах, таких как «праздничный», «семнадцатилетний».

Из писем удалены повторы, почти все жалобы на здоровье и сообщения семейного характера, которых, впрочем, не много. Некоторые пропуски объясняются плохой сохранностью писем, когда по совершенно истлевшей части листа уже ничего нельзя прочесть. Подборка писем для настоящей публикации показывает Чевалкова от первых шагов застенчивого, восторженного молодого человека до спокойной, несколько иронической зрелости.

1

12 января 1921 г.

Дорогой Вадим Николаевич!

Как я рад, получив от Вас письмо. Правда, как Вы добры и как любезны ко мне! Так же Варламов очень благодарен Вам. Получаете от нас письма, особенно последние, где мы Вас просили о отзыве нас в школу?¹

Мы еще раз просим Вас, дорогой наш учитель, выручайте нас в школу, а мы за это Вам <от> платим своей любовью и трудом для искусства. Сердечно желаем Вам доброго здоровья.

Ваши ученики Николай Чевалков и Варламов.

2

31 января 1924 г.

Письмо Ваше получил и очень, очень благодарю за него. Читая его, я позавидовал вашему огню, который так чувствуется в Вашем коротком торопливом письме, и вспомнил свою предвыставочную жизнь, когда-то живя в Барнауле. Хорошо гореть энергией! Но я очень жалею, что мне не придется увидеть предполагаемую выставку², п. ч. я заделался жалким учителем рисования в нашей школе 2 ступени, которая связала мне руки и душу. Итак, значит наша Сибирь еще не замерла искусством? Что ж, дай бог, да процветет искусство во всех трущобах и горах! А как жаль, жаль мне, что не придется увидеть иркутян, томичей и красноярцев, жаль и то, что мне не придется принять участие самому. Дело в том, что, возвратясь из Москвы³, моя финансовая жизнь изменилась, и я был вынужден все приобретенные краски загнать на жалкие заказы, про которые стыдно вспоминать, и затем взять еще несколько лишних уроков с целью заработка, и вот теперь чувствую, что снова становлюсь как бы на свои ноги. Но как обидно, что ни времени, ни красок нет, а ведь такие выставки редкие и <бывают> не всегда. Впрочем, пишите мне подробно о дне выставки, о ее направлении, о выступающих лицах, наконец, кто инициатор, кто будет ею руководить и будут ли <художники> из центра. Пишите же скорее, как получите, так и пишите, я, может быть, что-нибудь сделаю по линолеуму, гуашью и да-

же маслом (остатками, которых хватит не более как на одно небольшое полотно), а главное напишите мне, какими материалами можно послать на сию выставку и в каких размерах, но ради бога, пишите скорее.

...Притом, я должен чистосердечно признаться пред Вами, дорогой Вадим Николаевич, в том, что я буду ли достойным принимать участие на сей выставке? Вы знаете мои слабости в рисунке, знаете мои скудные сюжеты, так же знаете, что я слаб и жидок в колорите, а посему прошу Вас подумать обо мне как можно глубже, рассмотреть мои знания внимательно и чистосердечно, как я же, сказать мне, что достоин или не достоин. Я часто мучаюсь, когда слышу — меня зовут художником, я чувствую, что я того почтенного звания ни в коем случае не имею права носить, наконец, мне стыдно, что я до сих пор не художник.

Будьте добрым, отвечайте мне на все мои больные вопросы, я один истомился разрешением над собой: двинуться мне далее или скатиться обратно.

3

21 марта 1924 г.

Вы не сказали точного времени о выставке: я не понял Вас, т. е. не знаю, к какой пасхе отнести: к новой или к старой? Простите, если я не успею послать вам свои работы, п. ч. у меня еще их нет, а если пригодятся старые, то я пошлю.

Я летом побуду на Алтае, присмотрюсь к стране и займусь серьезной работой как по живописи, так и по резьбе. Если вы хотите знать, я становлюсь серьезнее к делу, а, может быть, и немного умнее. Не торопите меня к вступлению в свет: я хочу явиться в свет в полном своем наряде и достоинстве.

...Осенью я пошлю Вам все свои работы на рассмотрение, тогда судите обо мне. Пишите, не забывайте меня, грешного, и нашу Улалу. Я всегда буду писать вам, если буду знать ваш адрес. Целую вас, как своего «р а в в и».

4

3 апреля 1924 г.

Глубоко извиняюсь, что в последнем своем письме не сообщил о Марковой⁴. Причиной несообщения явилось то, что адресата (т. е. В. П. Марковой — П. М.) в Улале не было, потому и забыл написать о ней. Теперь она снова появилась в Улале среди своих сестер и я ей сообщил о предстоящей выставке и ваш адрес. За последнее время, по ее словам, она проживала в Бийске и думает устроить там выставку своих работ. Правда, Маркова, как художница-живописка, талантливая, но как человек ужасно надоедливый. Признаться, что мне вторично бог послал испытание через Маркову: она, иногда, це-

лыми днями просиживает у меня с пустой женской болтовней, я же, как человек, любящий одиночество и какое-нибудь дело, не могу выносить таких людей. Будь на моем месте кто-либо другой — наделал бы скандала, но моя натура не такова: я, тоскуя, молчу и жалею потерянное время. Но, впрочем, все это пустяки.

Я очень рад, что В. Мешеев (наш наркомпрос) <в> скором времени едет в Москву, <так> что мне удастся с ним заказать краски в счет летнего жалованья. Летом я определенно собираюсь поехать по Алтаю с целью собирания этнограф<ических> рисунков и самого быта алтайцев. Но не подумайте, что моя главная цель поездки по Алтаю будет собирание этнографических рисунков, нет <...> моя цель — познать «его величие, его красоту» для дальнейшего живописного описания своего родного Алтая. В настоящее время упорно штудирую натуру, а затем займусь человеческой фигурой: ведь нужно же знать истину для того, чтоб потом на этой истине построить свой живописный мир.

...После поездки я думаю подарить нашему Обкому картину, один из видов Алтая, а потом просить помощи для поступления в Московскую школу живописи. Но это только мечта, а, может быть, и несбытчивая мечта, но почему не мечтать — не так ли?

...Напишите мне, есть ли лекции по изобразительному искусству в напечатанных трудах, которые могли бы примениться в школе 2 ступени. Конечно, исполняйте мою просьбу только тогда, когда будет вам возможно, но ни в коем случае не обязательно. Пишите. Жду.

5

11 октября 1924 г.

Я упорно изо дня в день ровно два месяца работал по живописи и много мне пришлось разочаровываться, радоваться, надеяться или думать о живописи совсем безнадежно, но теперь, кажется, убедился, что двери для меня широко открыты. Да, открыты, п. ч. я чувствую силу и мощь в красоте!.. Впрочем, хвастать не стану, т. к. это все еще в будущем...

...Работы мои, некоторые, похожи на Гогена и Рериха, а остальные вылились в свою физиономию (в чевалковскую)... Строится ли Дом Ленина? Если строится, то как и кем?

6

28 января 1925 г.

Идея устроить выставку в Москве⁵ не пропала, она растет все более и более и уже становится в рою. Но, дорогой мой вдохновитель, я без вас никуда!.. Думаю, и не покинете меня в минуту сомнения и боязни

«света» своими знаниями и доброй душой?.. Вся надежда на Вас — руководите мной и моими работами! Я очень и очень буду рад тому, если бы кто взялся управлять моими работами, конечно, из художников, в «свете», в Москве. Все получаемые доходы с выставок бери бы он себе, а <за> проданные работы, конечно, я стал бы платить ему с рубля известный, по договоренности, процент. Но этот вопрос будущего, а теперь нужна работа.

Я чувствую приход новых сил, располагающих к творчеству, к освобожденному творчеству.

...Напишите подробно, какие существуют порядки для устройства выставок в городах? Нужно ли иметь право художника? Если бы я задумал устроить выставку в Москве, то буду ли подвергнут испытанию со стороны московской профессуры? Еще одна должна быть хитрость — достать на устройство денег.

...Вы хотите сделать мне великую радость — стать обо мне в журнале. Что ж, я очень рад, но, дорогой, достоин ли я того? Автобиографию пошлю вместе со снимками и рисунками: я к этому отношусь серьезно, ибо только одна правда бывает красивой...

По линолеуму не резал, да и, признаться, не было мании к тому.

7

17 февраля 1925 г.

Писал ли я вам о том, что летом, проездом с Алтая, был у меня художник Беляев (из Москвы). Беляев посетил меня и смотрел работы. Работы ему очень понравились, и он предлагал их послать в Москву для продажи. Критиковал ужасно долго, а так же бранил, что ударяюсь в реализм. Если вы знаете Беляева, то напишите, «кто он». Между прочим, Беляев заявил, что я очень и очень оригинален в работе.

Итак, с Маневым пошло картины, т. е. работы и денег на краски, а вы, а именно, купите сами и запакуйте их ладом: летом неумелая купорка московских приказчиков много изубытила — раздавились. Посылая краски с Маневым, пошлите хоть какую-нибудь новую литературу по «ИЗО» и журналы со снимками (произведений) современных художников (конечно, если есть не нужные вам). Нужные книги, если пошлете, пришлю обратно.

...Как ваш журнал «Сибирь»...⁶ Напишите, получили ли биографию и снимки.

8

19 марта 1925 г.

Вот отсюда я начну говорить о себе очень много. Я люблю искусство, это правда! Вы только вспомните 1920 год, когда, проезжая по Алтаю, впервые увидели мои свободные

творческие рисунки, которые <с> бескорыстной целью были написаны пастелью на маленьких лоскутках бумаги. Работая их, я не думал ни о славе, ни о деньгах, — я работал потому, что мне было приятно, и жизнь моя от этого становилась целью и интересной. Помню как сейчас, что в то время моя мысль о существовании была такая: буду сеять хлеб, держать коров, а в свободное время рисовать и писать красками, и жизнь моя пойдет безобидной чередой.

Не раз Николай Семенych говорил: «Оставь хозяйство и перейди на попроче искусства, — ты можешь оставить по себе красивый след в жизни». Помню, я отвечал на его слова такими словами: «Художником быть не могу, п. ч. не имею на то образования, но между делом писать буду, п. ч. это дело меня делает счастливым». Затем, помните, как я бежал из г. Барнаула в свою родную Улалу, покидая и студию, и друзей и торопясь скорее вдохновиться родными полями, чтобы снова почувствовать полноту духовной жизни. Я не могу надолго покидать родину: она колыбель моих воспоминаний и мать моих творческих сил и мыслей! Если бы судьба дала мне покой, обещала бы, то я снова бы стал истинным творцом, каким был в юности. Прежде, в юности, я мысленно рисовал себе картины совсем иные, не как теперь. Они были полны сил и вдохновения. Тогда я не знал никаких школ, никаких течений. Я знал одно, что эти облака хороши, эти странные тополя <...> По сие время есть, верите, идеи, которые так и просятся на полотно своей величавой простотой и тяжестью цветов, но они не будут подходить ни под какие течения, они будут просто-напросто простые живописные картины, приравнивающиеся к любому течению, а оригинальными быть должны тем, что в них будет слышаться свободная песня души. О, я их произведу, нынче же некоторые произведу и тогда, насладившись плодотворностью, можно умирать! Чем дальше, тем ярче они рисуются в моем воображении, чем глубже всматриваюсь в них, тем больше хочется писать, но писать их я не тороплюсь: мне нужно многому научиться, даже хотя бы той же фактуре и составлению цвета.

...Я хочу быть в своих полотнах открытым и правдивым, я жажду аккорда красок, взятых из собственной впечатлительной души... Темно-синее небо, белые, золотые, зеленые и фиолетовые облака, безмолвно тяжелеющие гиганты-тополя в величавом покое, как чудовища, темные, как ночь, стоят молча и угрюмо — вот мои излюбленные сюжеты и темы. Вот в них-то <я> и должен вырасти гигантом таким же, как тополя, не уключим, темным, молчаливым, но свободным и величавым по красоте цветов и форм.

9

25 мая 1925 г.

На Алтае весна развернулась поздно, только теперь начинают развиваться листья

и появляться трава. Смотря на зелень и небо, хочется писать. Нынешнее лето посвящаю всецело живописи.

Еще кое о чем напишу... Я становлюсь седым. Моя голова уже чуть-чуть серебрится, а лет мне всего 32. Что это значило бы? Уже не старость ли?.. Плохо!.. Буду обмолаживаться!.. Не желаю быть стариком.

10

12 июня 1925 г.

Сердечно благодарю Вас за краски! Краски очень и очень хороши, так что от яркости их зубы ноют. Получил посылку 11-го июня, а сегодня уже написал одну картину (небольшую). Писал с дрожащими руками, почти без памяти и написал, по-моему, прекрасную вещь, в смысле живописи, так что эта работа очень сходна по краскам на Маливина, на Рериха, но в ней больше «моего». Теперь буду каж<дый> день заниматься живописью, авось, осенью сумею порадовать вас, новониколаевцев.

Теперь на оставшиеся деньги купите фиолетовый, зеленый и, если есть, то киноварь, но деньги рассчитайте так, чтобы их хватило на упаковку и пересылку, а своих денег — ни-ни! — ни копейки не затрачивайте, п. ч. нашего брата — найдется! Затем, вот что. Вы писали, что купили полотна — это очень хорошо, и если бы вы нам выслали скорее, то еще бы лучше было.

Спасибо за порошок белил! Если можно тертые (тонко) белила купить, то купите, они мне очень нужны на грунт.

Одним словом, спасибо вам трижды за хлопоты и выбор, думаю, сумею отблагодарить вас своим произведением!

11

30 июня 1925 г.

Теперь буду продолжать о посетителях. <...> Первыми посетителями были студенты Ленинградской Академии Художеств в числе трех человек. Это студенты последнего курса. Они проехали на Телецкое озеро с поручением от Академии Наук и Академии Художеств для собирания этнографическо-художественного материала. По приезде каким-то путем узнали, что в Улале есть художник, и вот посетили меня. Эти студенты, правда, были откровенны, даже слишком откровенны, каких я мало когда-либо встречал. Мои работы, а особенно последние картины и этюды, <им> очень понравились, и даже один из них не скрыл того, что их Академия все еще трясет стариной. Эти люди сообщили <мне> о грунтовке холста, о смешивании красок и о разведении их жидкостями. Они шли навстречу всему, <в> чем я только нуждался, и даже хотели поделиться красками, но я, видя их урезанный материал, наотрез отказался. Затем они

пригласили меня к себе на квартиру и показали свои работы, сделанные по дороге. Работы двух студентов реальные⁷, а одного — очень оригинальные. Вот это были первые посетители.

Вторым посетителем был какой-то екатеринбургский художник по фамилии Лазухин, который расстроил меня не менее как на два — на три дня. Этот Лазухин определенно заявил, что я сбился с пути, что так не пишут, что это не искусство, а просто-напросто забава красками. А когда он смотрел последний этюд облачного дня (он очень красочный, яркий), сказал: «И как только не жаль тратить на забаву такие дорогие краски». Каково!.. Каково мне было слышать, <если> когда-то чуть не кричал от радости, создавая этот этюд!.. Этот был вторым посетителем.

Третьим был Славнин из г. Томска, ученый сотрудник Томского Университета. Славнин признал мои работы оригинальными и очень жалел, что мои работы не были на томской выставке...

...Четвертым был какой-то журналист, господин (именно господин) Фролов. Точно не упомянул город, в котором он живет: не то Усть-Каменогорск или Змеиногорск, но, одним словом, что-то вроде этих названий. Он едет заснять быт и нрав алтайского народа, а также снять виды Алтая.

Этот человек своими господскими старопомещичьими замашками меня прямо-таки обозлил, и я, не стыдясь <того>, что он гость, наговорил ему дерзостей, на которые он, представьте, не обиделся. Этот человек абсурдный: он трактовал мне натурализм, о какой-то старой немецкой школе, о букетах цветов и собаках с нашейниками. Его заключение <таково>, что я нахватался современности, художественного сброда и слепо бреду в ложную сторону... Он, сумасшедший, учил, как писать и что значит картина, что значит этюд и как их нужно прорабатывать, т. е. как их нужно тонко прорабатывать. Этот — четвертый.

Пятый — Котов, Ник<олай> Георгиевич⁸. Но Котов — дело другое. Хотя Котов и критикует (ужасно) мои работы, но можно понять, что ему мои работы нравятся, и видно, что он очень желал бы иметь мою персону своим учеником. Затем... Котов сделал <л> мне полезное. Вот чем он был полезен. Во-первых, он дал рецептов насчет грунтовок, затем приемы живописи и составление лаков для картин, а, главное, пообещал от АХРР красок. Но можно ли надеяться на краски?.. Вы его знаете и, вероятно, знаете давно и скажите, можно ли, по его словам, получить обещанное? Хорошо бы так было, как он говорил, т. е. обеспечить меня красками на целую зиму от АХРР. Так же он просил что-нибудь написать для 8-й выставки АХРР. Вот вы, дорогой мой, прочитав письмо, подумайте и напишите <мне> свои взгляды и советы <...> Напишите, насколько Котов силен как живописец и респектабельщик, п. ч. он в моих глазах уронил не

только по рисунку Курзина⁹, но и других мастеров, которые в Третьяковке, и я ведь про Котова ничего не знаю.

12

1 августа 1925 г.

Не могу терпеть, чтобы не рассказать Вам все то, что я имею в себе и при себе. Дело в следующем. Будете или не будете ругать, но откроюсь в одной своей смелости: это то, что я на днях устроил выставку своих работ учителям-курсантам, а завтра <она> будет открыта всему городу. Правда, выставил работы не я один, но все же вся тяжесть пала на меня, и как-никак доминирующим оказался я, и, стало быть, все недовольство и довольство публики падает на меня. Со мной выступает один акварелист по фамилии Б. Н. Шляев (реалист), по словам его, нигде не учился, и работы его лично мне мало нравятся.

Хорошо ли я сделал?.. Может быть, я еще, по своей незрелости, не должен выступать на общественное поприще и т. д.? Может быть, я и вообще еще слаб для публичной критики? Простите, что я еще раз попрошу Вас высказать свое мнение о себе, т. е. о своем творчестве.

Но не в том вся соль, что я сделал выставку, а в том, что с выставлением своих работ в светлом большом зале, увидел свои несерьезности в работах. Ужасно не понравился я сам себе. Мне показалось, что я так далеко стою от искусства, как <только> может находиться любой невежа. Скучно! Скучно и жалко утраченное время на легкости и обидно за затраченные ни к чему материалы. Но что делать! Труды двух месяцев принесли лишь только огорчения. Где мой путь? Так спрашиваю себя теперь, после выставки. Нет, все не то!.. Путь мой остался позади и, пожалуй, далеко позади, но надо вернуться к нему. Теперь вот, после долгих дум над собой, вернее, над тем путем, по которому я развивался, <я> увидел ошибку, мелкостность в мыслях и прочее, и хочется исправить. Сегодня, беседуя с вами здесь, в письме, я горю какой-то глубиной своих чувств к самому искусству.

Может быть, отсюда, от этой жалкой выставки, начнется новое творчество, новые искания, которые удовлетворят меня и других. Теперь я решил прежде всего глубже смотреть как на идею, так и на поверхность картины. а потом уже писать ее.

Страшное желание написать два-три больших размеров полотна и поработать над ними, если потребуется, то целыми годами. Вот мои желания!

13

7 октября 1925 г.

Посылаю Вам еще три работы и Гогена. Спасибо за Гогена и очерк! Очерк улучшил

мое положение — конечно, Вы понимаете. Гогена читал с большим увлечением и радостью, а он лечил меня от меланхолии. Великий художник!.. Ныне, посылая его, еще раз благодарю за любезность. За последний месяц я было думал поработать, но вышло не по-моему. Вот уже как четыре недели болею легкими и ничего не делаю — отдыхаю и лечусь. Где, когда и чем разрушил их — не помню и не знаю, только врач определил, что это есть острый катар и прописал строгий режим на целый год. Теперь лечусь всюю, так что лекарства принимаю чуть ли не целый день. Во-первых, пью какие-то капли по 30 три раза в день и три стакана молока со свиным салом. Ужасно все это надоело, а, главное, ничего не делаешь <...>

Видались ли с Гуркиным?¹⁰ Постарел ли он и изменился ли его склад души? Видели ли его последние работы? Какого они направления? Передайте ему от меня большой поклон и скажите, что страшно скучаю по нем.

14

15 октября 1925 г.

Вы думаете об устройстве выставки моих работ?.. Но ведь сколько все это Вам предоставит хлопот! Страшно и стыдно перед Вашей отзывчивостью, в которой одна чистая доброта... Если уж Вы так добры, то будьте такими до конца и скажите, чем я должен заслужить ее перед Вами. Этот величайшей услуге я не нахожу цены и поэтому не найду, чем бы мог Вас отблагодарить. Сделат живописный подарок? Слишком мало. Вознаградить же деньгами — не могу, даже при самых сильнейших желаниях не могу. Итак, будьте до конца добрыми, возьмите, выберите из моих работ что-нибудь себе и не одну, а сколько пожелаете, иначе обидите меня.

...Относительно «Пряхи»?.. Сами знаете: посылать ли ее, нет ли. Это все в Вашем распоряжении.

Так же для меня новым <явилось> то, что Григор<ию> Иван<овичу> понравились мои работы. Это что-то невероятное. Конечно, я считаю себя счастливым, что мой соплеменник признал мои работы достойными по живописи. Передайте <ему> от меня привет!..

Дальше я не смею Вас ничем тревожить, ибо надо знать меру и пользоваться отзывчивостью по мере — ведь можно надоест: это уже закон самой природы.

15

3 ноября 1925 г.

Прежде всего, благодарю Вас за все хлопоты по устройству выставки и очень рад, что Вы ее намереваетесь послать в Томск. За день до вашего письма я случайно

наткнулся в «Совет. Сибири» на рецензию о нашей выставке, а сегодня <...> получил Ваше письмо. Чистосердечно признаюсь, что эти дни для меня являются лучшей наградой за цело-летний мучительный труд. Я не ищущу многого, мне приятно, что я не впустую работал, затрачивал энергию и здоровье. Труд и волнение — жизнь художника!..

...Друг мой, я рад, несказанно рад, что мои произведения признаны, их смотрит публика, живет ими — вот чего я хотел больше всего!..

Продайте их так, чтобы покупатели не испугались цены <...> Думаю, за три работы: «Облака» (большая) и маленькая (для Вяткина), и «Вечер перед грозой» — ну хотя семьдесят рублей, и ладно. Затем, это серьезно, продавая их за семьдесят руб., Вы должны, обязаны взять двадцать — комиссионных, а остальные, если не потребуются на переброску в Томск, pošлите мне и вот для какой цели: чтобы на них мог на Рождестве поехать к Вам дня на три-четыре, дабы проветриться и поговорить с Вами относительно дальнейших живописных работ, притом я уж очень стосковался по Вам и вообще по городам и искусству. Хорошо бы вы сделали, если сообщили бы мне стоимость всей поездки в Новониколаевск, главное, что станет прожить в нем неделю, а я бы прикинул и обмозговал поездку заранее, чтобы она вышла наверняка.

16

29 декабря 1925 г.

Недавно читал в «Совет. Сибири» об объединении сибир. художников «Новая Сибирь»¹¹, где инициаторами Вы, Макаров, Никулин и еще ряд незнакомых художников. Очень интересно было бы посмотреть на это общество и поговорить с ним, п. ч. в нем много лиц, которых я совершенно не знаю. Также думаю, что Вы объедините и меня, ойрота, ибо я всей душою желаю сплоченности сибирских художников и вообще всех наших окраин. Так вот, дорогой Вадим Николаевич, если что нужно от меня для вступления в общество «Новая Сибирь», пишете, и я вышлю (могут понадобиться какие документы или взносы, pošлю), но только пишете и запишите. Дальше, читал о выставке с 4-мястами экспонатов. Все интересно бы увидеть своими глазами, повидать авторов, поговорить с ними и проч. Но, надеюсь, что Вы, войдя в мое положение, коротенько напишете о ней и ее качестве. Рецензию писал, по-видимому, Г. Вяткин. Уж больно сухо и хронологично, даже нет яркой заметки о течениях и силе того или иного индивидуума. Больно сухо. Думаю выписать «Совет. Сибирь», но не мешает спросить Вас — какую мне выписать газету или журнал, где бы более ярко и подробно <я> ознакомился с искусством? Напишите и адрес приложите, а

я выпишу, иначе уж больно отстаешь, даже от г. Бийска.

Имею переписку с Гуркиным. В переписке с Гуркиным я встретил много неожиданного. Прежде всего, Гр. Ив. признал мое творчество «молодым национальным творчеством Алтая». Это меня огорошило, т. к., зная его, <как> реалиста старой Академии, было слишком для меня «ново» и «неожиданно» такое признание. <...>. Дальше он пишет: «Здесь не Польш Гоген, не русское искусство, не Кавказ и не Урал, а только Алтай». <...>

Задумал написать для школы два полотна на память о себе. Материалы дает школа, моя только работа.

17

10 февраля 1926 г.

За последнее время я нарисовал эскиз Дома Ленина. Проект принят исполкомом и оплачен в 70 рублей. Работа над проектом была всего 6 дней. Идея такова. Нужно было отобразить Мавзолей и что-нибудь национальное. Теперь предложили исполнить идею Дома Советов. Это здание будет громадное и каменное. Идея уже есть, скоро приступаю к работе: нужно закончить к 5 марту. Пустился в архитектуру. Но я, Вадим Николаевич, и в строительстве прожужгаю свое: орнамент и живопись. Для Нардома окраску здания дал очень яркую, т. ч. всем алтайцам нравится и говорят: «Это наше».

18

27 августа 1927 г.

Ваше письмо <было> для меня большой неожиданностью: я не думал, что Вы вспомните обо мне. Радость была великая. Читал его за раз несколько раз и мчался душою в неведомые мне края — в Ташкент, к Вам. Но все это, Ташкент и Вы в нем, для меня были далеки и невообразимы, я мог лишь довольствоваться теми встречами, как вроде Барнаула и Бийска, где мы устраивали выставку¹².

...Мы много говорили на съезде об Вас, много думали и решили тащить Вас снова в Новосибирск. Все художники жалели, что Вы не были среди нас, самый организатор общества, которое стало уже серьезным для служения народу <...>. Нас, простяков-художников, было много, и мы все время вспоминали Вас добрым именем (круг наш: Миркович, Макаров, Наташа, Вошакин, Ивакин, Липин, Надольский и я). Правда, время прошло хорошо да и полезно.

<...> Теперь о самом больном и интересном. Что я делаю? Учусь в школе, рисую и летами пишу. Куда я теперь примыкаю — не знаю, но по истине сказать, все же я люблю свободу живописи и гамму кричащих красок. Стал много уделять внимания рисунку,

объему, но бывают дни, когда я увлекаюсь цветом и только цветом. Работаю много, много думаю и читаю — в результате работы свои жгу или ненавижу и держу их не в милости. Чем дальше, тем глубже, тем крепче мысль о том, как бы всю жизнь свести только на свободное творчество. Но как? Нельзя, или трудно. Тяжелая вещь — быть учителем, когда чувствуешь силы и желание работать <в искусстве>, но существовать чем-то надо. В прошлом году был в Крыму (лечился). Крым произвел на меня приятное впечатление, но писать его не мог: он мне чужд. Нынче ездил на Телецкое озеро с уч. экспедицией с Анохиным и мало работал, да и работа дрянь, ибо ударился в жуткий натурализм. Мечусь я порой, подобно тигру в клетке, но... но бывают и хорошие дни, когда свободная муза приходит и вдохновляет веселой беспечной гаммой.

Упорно работаю по проведению выставок в Ойротии — это моя культурная общественная работа в Улале. В год делаю две-три выставки <...>. В данное время я намечаю ряд политических тем для областной выставки, принаравливающейся к 10-летию Октября.

Гуркин работает. Зовет меня к себе поговорить относительно работ и выставок. Поеду, вероятно, в сентябре.

19

1 февраля 1928 г.

Жизнь моя течет и хорошо и худо. Плохо, конечно, со стороны материального обеспечения, хорошо со стороны духовной. Не знаю, будет ли для Вас неожиданностью, что у меня родился сын, алтаяк «Аристарх Чевалков». Не помню, писал ли я Вам о том,

что я женился. Жена моя девятнадцати лет, русская по имени Татьяна, из фамилии Княжевских. Женился я в прошлом году весной, двадцатого марта, и вот уже есть ребенок.

...С натуры пишу широким мазком, сочно, т. е. густо ложу самые краски, и красочно. У меня была ужасная пора, когда я совершенно потерялся, стал бесцветным и сухо-натуралистичным, т. ч. сам себя не на шутку испугался, но в 1928 году, прямо-таки с первого же января, круто повернул к живописи. Теперь удовлетворяюсь.

20

25 февраля 1930 г.

Как я рад, что могу послать письмо с живым человеком, т. е. с человеком, с которым мы знакомы и работаем вместе в одном учреждении и местком просвещенцев. Вы знаете, живой свидетель лучше говорит, чем мертвое письмо.

...Работаю все в школе 2 ст <упени> (8 год). Времени для живописи почти нет, т. к. я работаю еще в Педтехникуме по совместительству со школой 2 ст. Ездил по Алтаю, собирал этюды, но переработать их в КАРТИНЫ не удалось и пока не удастся. Направление меняется: то левое, то правое; еще не установился. Чувствую, технически вырастаю, морально тоже поднимаюсь, но нет времени для работы. Это одна моя беда. Имею приличный запас красок и холста и все необходимое для живописи. Очень смешно: когда не имел материалов — была уйма времени, но вот когда имею горы — нет его.

В Новосибирске уже три года не был. Вообще не удается разъезжать, а надо бы.

Ну, кончаю. Пишу очень тороплюсь, т. к. вот-вот он зайдет за письмом¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все публикуемые письма посланы Н. И. Чевалковым из Улалы (теперь Горно-Алтайск), исключая письмо 1921 года, отправленное со станции Алейская. Гуляев жил в 1921 г. в Барнауле, с 1924 г. по 1926 г. в Новониколаевске (Новосибирске) и с 1926 года в Ташкенте. Соответственно и письма адресованы в Барнаул, в Новониколаевск, в Ташкент.

1. Речь идет о художественной школе Барнаула, открытой местным отделом Народного образования в 1920 году. Чевалков и Варламов были в числе первых ее учеников.

2. В 1924 году художниками Иркутска была задумана передвижная выставка произведений сибирских живописцев, графиков, мастеров прикладного искусства. Выставка состоялась лишь в 1925 году и за пределами Иркутска не экспонировалась. Чевалков писал о выставке в связи с предпологавшимся прибытием ее в Новониколаевск.

3. В октябре 1923 г. Чевалков ездил на сельскохозяйственную выставку в Москву. Поездка имела большое значение для творчества художни-

ка, т. к. в Москве Чевалков встретился с В. Н. Гуляевым, и вместе они обошли художественные музеи столицы.

4. Маркова Валентина Петровна (1904—1941). Училась вместе с Чевалковым в художественной школе Барнаула.

5. Знакомые художники (В. Беляев, Г. Гуркин, Н. Котов и др.) уговаривали Чевалкова сделать персональную выставку в Москве. Предложение Чевалкову казалось весьма заманчивым, однако самостоятельно открыть выставку в Москве он не решился, В. Н. Гуляев же не мог ничем помочь. Жизнь Гуляева с переездом в Ташкент усложнилась.

6. Журнал «Сибирь» издавался Сибкрайиздатом в 1925 г. В. Н. Гуляев был близок к редакции журнала. В двойном номере журнала (пятом-шестом) за 1925 г. он опубликовал очерк под названием «Художник-алтаец Н. И. Чевалков».

7. Словом «реальное» Чевалков обозначал нетворческое срисовывание с натуры.

8. Котов Николай Георгиевич (род. в 1899 г.) —

уроженец Томска. Жил в Москве. В 1925 г. приезжал на Алтай писать этюды в связи с выставкой АХРР 1926 года «Жизнь и быт народов СССР».

9. Курзин Михаил Иванович (1888—1957) — уроженец Барнаула, один из наиболее деятельных художников Сибири. Преподавал некоторое время в художественной школе Барнаула.

10. Вернувшись из Монголии, Г. И. Гуркин поселился в Новониколаевске. Здесь он устроил в 1925 г. выставку своих работ. Намеревался издавать свой дневник с описаниями красот Алтая. В Новониколаевске Гуркин впервые увидел зрелые работы Чевалкова и отозвался о них самым похвальным образом.

11. Общество художников «Новая Сибирь» утверждено Сибкрайадмотделом 5 августа 1926 г. Общество ставило задачей объединение художни-

ков Сибири, устройство ежегодных передвижных художественных выставок, издание журнала, посвященного вопросам искусства. В 1927 г. общество провело Всесибирскую выставку и Всесибирский съезд художников (см. стенограммы съезда в журнале «Сибирские огни», 1927 г., № 3), Чевалков был одним из активных членов общества.

12. Речь идет о выставке работ художественной школы в Барнауле в 1921 г.

13. На этом переписка Чевалкова и Гуляева обрывается. В следующем году Гуркиным и Чевалковым была открыта в Улале художественная школа. Чевалков стал в ней основным преподавателем, т. к. Гуркин вскоре от преподавания в школе отказался. Чевалков вел улалинскую художественную школу почти до самой своей смерти. Художник умер после тяжелой продолжительной болезни в 1937 г.